

The Ancient Slavs in the Russian Poetry of the 19th Century

Nesterova Tatyana Petrovna¹

Professor, Michurinsk State Agrarian University,
Michurinsk, Russia.

(date of receiving: September, 2017 ; date of acceptance: March, 2018)

Abstract

The article considers the regularities of the depiction of the ancient Slavs by the Russian poetry of the 19th century, which, like literature in General, was a factor in the national consciousness of the era of Poets, based on the perception of the world and the culture of the ancestors of the Russian people, build an artistic concept, where the special inherent in a particular time is recognizable and after many centuries, helping to clarify the metaphysical depth of the Russian world view as a whole. Poets created their works in the context of philosophical ideas about Russia, its way in the world history, which existed at that time. The value components of the life of the ancient Slavs as identification signs of the distant nineteenth century, considered through the ideals of modern reality for the poets, served as an impulse to the poetic understanding of national life, the fate of the Fatherland and the people living in it.

Keywords: Ancient Slavs, Russian Poetry, History, Mythology, National Being, Culture.

1. E-mail: TNESTER60@yandex.ru

Древние славяне в русской поэзии XIX века

Нестерова Татьяна Петровна¹

Профессор, Мичуринский государственный аграрный университет,
Мичуринск, Россия.

(дата получения: сентябрь 2017 г.; дата принятия: март 2018 г.)

Аннотация

В статье рассматриваются закономерности изображения древних славян русской поэзией XIX в., которая, как и литература в целом, являлась фактором национального самосознания эпохи. Поэты, опираясь на мировосприятие и культуру предков русского народа, строят художественную концепцию, где особенное, присущее конкретному времени, является узнаваемым и спустя многие столетия, помогая прояснить метафизическую глубину русского мировоззрения в целом. Поэты создавали свои произведения в контексте философских идей о России, её пути в мировой истории, которые бытовали в то время. Ценностные составляющие жизни древних славян в качестве опознавательных знаков далёких от девятнадцатого столетия времён, рассматриваемые через идеалы современной для поэтов действительности, служили импульсом к поэтическому осмыслению национального бытия, судьбы отечества и народа, в нём живущего.

Ключевые слова: Древние Славяне, Русская Поэзия, История, Мифология, Культура.

1. E-mail: TNESTER60@yandex.ru

Введение

На рубеже XVIII–XIX вв. стало очевидно, что сознательный отрыв от национальных корней, обозначившись в эпоху царствования Петра I, реформы которого были направлены на приобщение к западноевропейскому опыту жизни в ущерб многовековым традициям, выступил трагической дилеммой в развитии русской культуры. Стремясь осмыслить первородные свойства русского характера, поэты, как и в целом общество XIX в., приступило к целенаправленному разрушению мифа о России «как о Лапландии, превращенной гением Петра и советами Лефорга в цивилизованное государство» (Морозова 2005. 187), которое усердно внедрялось учёными XVIII в., прежде всего, Петербургской Академией наук, большинство из членов которой были по крови немцами. Однако общество в своём большинстве было против того, чтобы считать, что культура и просвещение появились в Отечестве только в XVIII в. вместе с петровскими реформами западноевропейского толка, а до этого Русь-Россия находилась в полном невежестве, вне общечеловеческой цивилизации. В связи с этим поэзия, как и русская литература в целом, стремилась обратиться к далёким эпохам, чтобы в глубине веков найти ответы на мучавшие общество вопросы. Было обращено внимание на опыт праотцев русского народа – древних славян. Такой интерес дал импульс к обращению к древней славянской культуре, которая виделась не наивной архаикой, а ценным достоянием, с помощью которого можно разгадать истоки национального самосознания.

Основная часть

Интерес русской поэзии XIX в. к славянской теме возник на благодатной почве исторических исследований, начало которым было положено ещё в восемнадцатом столетии. Первым с научной точки зрения об онтологических отношениях русского народа со славянским народом было сообщено в

«Древней российской истории» /1766/ М.В. Ломоносова, раскрывающего корни славянского этноса и русского народа как его прямого потомка. О высокой образованности славян заявляла императрица Екатерина II, не сомневавшаяся в том, что они «до рождения Христова письмо имели» (Екатерина II 1787. 81). «Баснословное вероучение», указывающее «умное и нравственное обличие наших родоначальников», даёт право Г.А. Глинке в книге «Древняя религия славян» /1803/ утверждать, что «способ мыслить», присущий пращурам русского народа, является общим «всем просвещённым народам» древности» (Кайсаров, Глинка, Рыбаков 1993. 90, 95). Всё это давало простор для творческого вдохновения, ориентируя поэтов на воссоздания картин жизни древнего славянского сообщества. В начале XIX в. вокруг А.Н. Оленина сформировался литературный кружок, в котором «заметно было стремление сделать самую русскую жизнь, новую и особенно древнюю, предметом поэтического творчества: героическое, возвышающее душу, присущее не одному классическому — греческому и римскому — миру; оно должно быть извлечено и из преданий русской древности и возведено искусством в классический идеал» (Майков 1887. 52).

Одним из первых зачинателей отечественной славистики является А.Х. Востоков, который стал её изучать комплексно, обращая внимание на историю, культуру, язык. Особенно заметным явлением стали его работы по языку, в частности «Рассуждение о славянском языке» /1820/. На стыке эстетики классицизма и романтизма изучает проблему А.Ф. Мерзляков, который искусство понимает как подражание природе, что есть, по его мнению, «мир действительный», «мир исторический», «мир баснотворный, в котором обитают боги». Он считает необходимым вводить в романтическую поэму «чудесное», видя его роль в том, что стихотворец может «сильнее действовать на воображение читателя, чем охотнее он при чтении такого песнопения переносится в сказанную нами систему и предаётся совершенному

очарованию поэзии» (Мерзляков 1822. 231-232). Таким образом, он не противопоставляет категории «чудесное» и «историческое».

Проблемы равновесия вымысла и истории стали предметом спора между членами «Беседы любителей русского слова» /1811–1816/ и членами кружка «Арзамас» /1815–1818/ и отразились на художественных произведениях участников обоих литературных объединений. Если участники «Беседы» пытались, прежде всего, приблизиться к старинным оригиналам, то их противники обращали внимание на точки соединения между древностью и современностью.

Вопросы древности занимали большое место в исторической концепции романтиков, которые можно разделить на два обстоятельства. Первое – связано с изучением истоков русского мировоззрения, поскольку считалось, что чем дальше вглубь веков, тем ближе к народности. Второе – было направлено на противопоставление прошлого настоящему. Поэтому исследовалась не только русская, но и мировая история. Представители романтизма расширили толкование мифа, значение которого они связывали не только с семантикой «чудесного». Согласно их гипотезе, «чудесному» надлежало быть узнаваемым в конкретную эпоху, соединяясь с целостной картиной мира данного времени. Этот принцип стал основополагающим в творчестве русских романтиков, создававших произведения на историческую тему. Мифология, использованная ими, имеет тенденцию развития от этнографического характера, свойственного «простонародным» балладам (П.А. Катенин, В.К. Кюхельбекер), к созданию цельной картины национальной жизни (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, В.К. Кюхельбекер). С 1830 г. создаются кафедры славяноведения в университетах, что способствовало появлению множества научных трудов учёными в 1830–1840 гг. При всей серьёзности изучения славяноведения в первой половине XIX в. не была создана цельная научная система. Во многом это можно объяснить

спецификой исторического процесса древнерусского государства, малом количеством сохранившихся письменных свидетельств. Больших успехов достигла славяноведение во второй половине XIX в. Тем не менее, нарастающий с начала XIX в. в России интерес к истории открывает поэтам простор для творческого вдохновения. Однако они сразу сталкиваются с трудностями. Так как древние славяне были язычниками, то неизбежно надо было вводить в сюжет славянских богов, о которых тогда мало что было известно. Иногда их даже «заменяли» в произведениях на более известные в среде образованного общества греческие и римские божества. Об этом с огорчением констатировал А.С. Шишков ещё в начале 1810-х гг., заявляя, что «в книгах наших не находим Лад и Лель, но везде Гименеев и Купидонов». «Греческие имена, – писал он, – суть одни пустые для нас звуки, не содержащие в себе никакого знаменования; русские же имена суть семейственные в нашем языке слова, то есть имеющие одинаковый смысл с другими от того же корня происходящими словами: потому Ладо, что слаживает, соглашает брак; потому Леля, что лелеет, нежит чувства» (Шишков 1811. 86). Н.Ф. Остолопов указывал на то, что введение чудесного «требует <...> сообразности с системою верования, бывшею в то время там, где происшествие происходило. Например, смешно бы показалось, ежели бы в победе Петра Великого над шведами под Полтавою поэт сделал участниками Юпитера и Марса: ибо ни россияне, ни шведы никогда в сих богов не веровали» (Остолопов 1821. 477–478).

С начала XIX в. такие суждения, как «дух народа», его «особенная физиономия», став важными категориями в исследовании и литературной трактовке эпохи древних славян, осознавались поэтами на мировоззренческом уровне, то есть как особые свойства, помогающие понять их жизнь во всей полноте, и, следовательно, объяснить факторы национального самосознания русского народа.

Можно выделить несколько аспектов в разработке данной темы. Первый – изображение мировоззрения предков русского народа через язычество. Славянская мифология, предназначенная «не столько для объяснения, сколько, для оправдания определённых («священных») установлений, для санкционирования определённого сознания и поведения» (Маковский 1996. 15), знакомила с философскими истоками, открывающими характер предков русского народа. Одним из первых к теме славянского язычества обратился А.Х. Востоков, который был не только поэтом, но и учёным, специалистом в области славянской филологии. Подробно о славянских божествах сообщается Востоковым в поэме «Певислад и Зора» /1804/. Находясь под защитой богов, «люди киевски живут счастливо». Для того, чтобы решить какую-либо проблему, надо только попросить о своих нуждах небесных покровителей:

*Всякий просит о своём богов,
Пастырь Велесу овна несёт,
Чтобы стадо было в целости.
О погоде земледельец
Молит сильного царя ветров
И плода зачатки каждого
Полагает он с усердием
Пред Купала благотворного...* (Востоков 1935. 265)

Введение в художественный текст прецедентных имён языческих божеств (Велес – покровитель скота и скотоводов, «царь ветров» – Позвизд или Похвист, Купало – бог, который, согласно древним верованиям, утвердил из разрозненных племён славянское сообщество, способствовал торговле, утверждению наук и просвещения) помогает организовать смысловое ядро произведения, которое объясняет причину, развитие и благополучное разрешение любовной коллизии. Юным героям не надо «противиться богам

святым», а необходимо лишь обратиться к богине любви, красоты, плодородия и всякого благополучия Ладе к просьбой о семейном счастье, и желание немедленно исполняется. Её образ автор верифицирует, отталкиваясь от известных исторических фактов и личных научных изысканий. Стремясь сакрализировать образ Лады, автор наделяет её родственными взаимоотношениями с остальными богами славянского пантеона: «Белобогу дочь», «мать Лелина». Образ Лады раскрывается в нескольких эпизодах: родительский наказ, обрядовые действия, осуществление желания. Благодаря Ладе, герой Певислад восклицает:

Буди славно ты прославлена! –

Что просил я, то исполнилось! (Там же. 276)

Эмоциональное сопереживание земным героям со стороны богов, их стремление помочь людям в трудной житейской ситуации делает жизнь светлой и безоблачной, а мир гармоничным.

Ещё более важную роль в сюжете играет образ Лады в поэме Востокова «Полим и Сияна» /1812/. Если в поэме «Певислад и Зора» богиня представлена идолом, к которому приходят люди с просьбами, то в следующей поэме автор вводит её в систему действующих персонажей. Лада принимает самое активное участие в жизни героев: устраивает личное счастье Полима и Сияны, мирит юных влюблённых с отцом Сияны – Волхвом, помогает рождению птенца. Образ Лады здесь имеет некоторые земные черты, а образ Полима, напротив, эволюционирует от обычного человека к существу, наделенному признаками демиурга (бессмертие, оборотничество, «за Белобога чтим»).

Создавая сложную систему художественных опосредований, автор показывает, что частная жизнь героев в поэмах является лишь предлогом для постижения философского смысла древней жизни. На это указывает адресованная Востоковым «Вольному обществу любителей словесности, наук

и художеств» «Записка» от 14 мая 1810 г., в которой он раскрывает свои намерения об издании сборника русских народных песен и пословиц для «любителей русского духу». «Таким образом, – пишет Востоков, – труд мой будет содержать поэзию и философию русских» (Востоков 1890. 49). Это утверждение позволяет сделать вывод о глубоком подходе Востокова к выбору материала и для его поэм, помогающего за обыденными переживаниями героев узнать их мировоззрение, не ограничивающееся границами физически осязаемого мира.

Традицию включения языческих богов в сюжет, построенный на славянском материале, продолжил Ф.Н. Глинка, расширивший в идиллии «Болезнь Милавы» /1823/ систему персонажей включением мифологических героев: Лады, Леля, Полеля. Если Востоков представляет славянский мир как цельное сообщество, то Глинка конкретизирует исторический фон, нарекая героев древлянами, тем самым уточняя фундамент национальных черт русского характера.

Как и в поэмах Востокова, герои Глинки идут по жизни, уверенные в том, что им всегда в трудный момент окажут помощь славянские божества. Опытный «врачеватель» Тихомир об этом сообщает Милаве, обучая её заветным словам, которые надо лишь произнести и свершить знакомые «исстари» только славянам, «живущим близ славных вод Днепра-реки», обрядовые действия, и счастье, любовь принесут славянские боги молодой пастушке.

М.Ю. Лермонтов в незавершённой поэме «Олег» /1829/ развил славянскую тему в новом ключе. В отличие от предшественников поэт разрабатывает сюжет не на частной жизни героев, а на героической основе. Поэтому вместо богини Лады помощником героя выступает воинственный Стрибог. Желая сфокусировать интерес читателей на мифологизированном мировоззрении древней эпохи, автор не только включает славянское божество в историческую коллизию, но и показывает образ Стрибога в паре с реальным лицом – князем

Олегом. Это придаёт большую цельность представленной картине мира. Его предшественники, Востоков и Глинка, поступают иначе – отделяют мифологизированные образы от исторических персонажей. Могущественный в славянской мифологии Стрибог и князь Олег, «владелец русского народа», прочно соединены. В системе координат их отношений ведущим является князь Олег. Покоритель других народов, «тот», «перед кем дрожали печенеги», с кем «казары дружества искали», приносит Стрибогу в жертву поверженных врагов. В свою очередь, языческое божество является правителю по первому зову, что проясняет и углубляет восприятие образ князя как избранной высшими силами личности. Следовательно, завоевательные походы, во время которых под его власть попадают «поля и веси» «от Пскова до Онеги», не являются личной прихотью князя. Не субъективные обстоятельства направляют правителя покорить Царьград, желать «на греков мести». Понимая, что греки, объятые гордыней, презирают Русь, князь Олег движим в своих порывах реализацией высоких замыслов о судьбе отечества. Автор объясняет причину некоторой медлительности князя перед «разрушительном набегом» на Византию. Ему важно получить пророчество Стрибога о результатах набега. К сожалению, дальнейшее содержание нам неизвестно, но созданное Лермонтовым начало произведения хорошо показывает читателю самобытность языческой старины.

Следовательно, проецируя сюжеты в славянский мир, авторы акцентируют внимание на мифологическом сознании эпохи. Трансформируя мифы о славянских божествах, поэты проводят их через собственное видение, «осовременивая» содержание в русле художественного мировоззрения эпохи: для Востокова и Глинки – это сентиментальная поэтика, для М.Ю. Лермонтова – каноны романтизма.

Второй аспект – репрезентация древней эпохи через патриотические темы и мотивы, поскольку отношение к отечеству является важным императивом

для поэтов первой половины XIX в. в изображении «духа» славянства. Востоков в поэме «Певислад и Зора», изображая героя в частных отношениях, сообщает о фактах, которые не входят в сюжет, но являются важными для восприятия Певислада как представителя далёкой эпохи. Певислад сообщает о себе, что был «с князем Ольгом на войне Буй-тур». Именно это известие, а не его таланты в песенном искусстве, убеждает отца Зоры в том, что он является достойным женихом для дочери.

В поэме Е.П. Люценко «Буривой и Ульмила» /1818/ защита Новгорода от варягов представлена как испытание, посылаемое героям для воспитания в них героического духа. Патриотизм не закрывает человека в самом себе, а делает его причастным к общему делу – защите национальных устоев от посягательств врагов. В контекст любви к отечеству естественно вписывается любовь князя Буривого к своей супруге Ульмиле, желание её защитить от беды:

*Унылый спор веков. Там всё напоминает
Чувствительным сердцам в глубокой тишине
Супружнюю любовь и долг к родной стране.* (Люценко 1818. 87)

Ключевым для понимания характера Ульмилы является образ меча, вводящий в тот мир, который героиня защищает, тайно находясь на поле битвы в стане защитников Новгорода:

*Ульмила верною дружиной окружена,
Заносит острие на изверга стеснённа,
Который, отразив меча её размах,
Поспешно во своих скрывается рядах.* (Люценко 1818. 84)

В знак любви к мужу перед смертью она «дрожащей рукой», «безмолвствуя, свой меч супругу простирала». Он же является знаковой деталью в раскрытии дочерних чувств Ульмилы, просящей передать её меч родителям: «Да ведают они, как дщерь их умирает». Меч как знаковая деталь

несёт в себе спектр духовно-нравственных и героических значений, определяющих сознание героини и близких ей людей.

Если поэма Люценко «Буривой и Ульмила» раскрывает отношения древних новгородцев с варягами, то поэма того же автора «Чеслав» /1818/ вписана в широкий историко-культурный контекст борьбы древних славян с печенегами. Чеслав воспринимает свою судьбу как служение отечеству. Об этом свидетельствует дидактизм концовки поэмы:

Ты будешь, друг славян, в сердцах благословляться!

И можно ли забыть отечеству того,

Кто жизнь свою на смерть меняет для него? (Там же. 246)

Это дидактизм органически соединен с героическим сюжетом, в котором нет любовной и бытовой линий. Эпизод гибели героя является кульминационной точкой и композиционным центром поэмы.

Размышления о судьбе России способствуют обращению поэтов к летописным источникам, свидетельствующим о заре русской государственности. Литературная версификация исторической или легендарной личности Вадима Новгородского (Вадима Храброго), созданная поэтами первой половины XIX в., связана с рассказом об этом человеке в Патриаршей, или Никоновской летописи XVI в., где это имя упоминалось в связи с восстанием древних новгородцев против варяга Рюрика: «В лето 6372 <...> оскорбишася Новгородци, глаголюще: «яко быти нам рабом, и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его». Того же лета уби Рюрик Вадима храброго, и иных многих изби Новгородцев советников его» (Полное собрание русских летописей 1965. 9). Ниже находилась следующая запись: «В лето 6375 <...> избежаша от Рюрика из Новагорода в Киев много Новгородцких мужей» (Полное собрание русских летописей 1965. 9). Среди произведений, посвящённых данной теме, привлекает поэма М.Ю. Лермонтова

«Последний сын вольности» /1831/. Поэт изобразил Вадима сильной личностью с тираноборческими особенностями характера. Желая подчеркнуть свою мысль, автор обращается к декабристской лексике:

*Завтра, завтра дерзостный варяг
Будет князем Новагорода,
Завтра будете рабами вы!...* (Лермонтов 2000. 129)

Употребляемое в разных вариациях выражение «старинной вольности любовь» выходит за границы только политический смысла, охватывая культурно-нравственный аспект. Это подтверждает монолог Вадима об отечестве:

*Там вырос я, там защищал
Своих богов, свои права,
Там за свободу я бы пал...* (Там же. 144)

Если для Вадима Рюрик является захватчиком, принёсшим соотечественникам много зла, то авторская оценка иная. Его мысли воплощают эпизодические персонажи. В связи с бедой, приключившейся с дочерью, старушка произносит вещие слова:

*Закон судьбы несокрушим;
Мы все ничтожны перед ним...* (Там же. 139)

Её выводы совпадают со словами Ингелота, обращёнными к Вадиму, который страдает из-за гибели любимой им Леды:

*И жалок, и безумец тот,
Кто ропщет на закон судьбы:
К чему? – мы все его рабы!* (Там же. 148)

Размышления по частным ситуациям в жизни, схваченные в контексте исторического времени, обретают сакраментальный смысл. Появление государственности у восточных славян во главе с князем Рюриком – знак времени, историческая необходимость, случившаяся по воле высших сил. Следовательно, от Рюрика принципиально ничего не зависит. Акцентируя эту мысль, Лермонтов намеренно наделяет Рюрика негативными чертами, которые создают отрицательный облик. (высокомерен с народом, чьи традиции он разрушает, является причиной гибели Леды, мстит Вадиму и т.д.). Князь – всего лишь орудие высших сил, который должен выполнить возложенную на него миссию. Поэт, безусловно, благосклонно относится к своему герою, о чём свидетельствует высказывания о Вадиме его друга Ингелота, являющегося резонёром авторских мыслей, название поэмы, эпиграф, текст которого заимствован из поэмы Байрона «Гяур»: «Когда такой герой родится снова?». Однако явственно выступает другое условие, которое оставляет Вадима на периферии времени, хотя в произведении он является главным героем. При всём личном благородстве он является частью тех сил, действия которых противоречат непосредственному процессу – образованию Руси как государства. Поэтому он обречён на поражение. Центральным в поэме является эпизод поединка между Рюриком и Вадимом. Это является авторским вымыслом, поскольку в летописном источнике об этом ничего не сообщается. Но, согласно утверждению известного историка И.Я. Фроянова, данный способ состязания за лидерство был допустим, так как «у первобытных народов верховная власть не всегда передавалась по наследству и доставалась тому, кто, например, <...> победил правителя в единоборстве» (Фроянов 1992. 102). Согласно языческому мировоззрению, боги всегда отдают предпочтение более достойному, в связи с чем смерть Вадима от Рюрика представлена исторически необходимой. Тем не менее, восхищает патриотизм Вадима, искренне желающего процветание отечеству, отдавшему за него жизнь.

Патриотические идеи являются главенствующими в думе К.Ф. Рыльева «Олег Вещий» /1821 или 1822/. Ради их воплощения поэт целенаправленно пренебрегает историческими фактами, на что обратил внимание А.С. Пушкин. Речь идёт о двух строках:

*Прибил свой щит с гербом России
К царьградским воротам.* (Рылеев 1983. 126)

Он писал Рылееву в мае 1825 г., находясь в ссылке в своём родовом имении Михайловское: «Ты напрасно не поправил в «Олеге» герба России. Древний герб, святой Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый орёл есть герб византийский и принят у нас во время Иоанна III, не прежде. Летописец просто говорит: «Таже повесил щит свой на вратах на показание победы» (Пушкин 1995. 175-176). Однако, при всём уважении к таланту Пушкина, Рылеев не стал ничего менять в тексте. Патриотический пафос для автора был важнее исторической конкретики.

Третий аспект. Жизнь древних славян изображается поэтами через бытовые обряды, обычаи, что имеет глубокую значимость для постижения феномена их сознания. Сакральный смысл несёт мотив пира, часто использованный поэтами при изображении далёкой эпохи. Он имеет принципиальное значение в структуре и идейном наполнении баллады А.С. Пушкина «Песнь о Вещем Олеге» /1822/. Изменяется эмоциональный диапазон. Сначала это праздничное пиршество, в котором «с дружиной пирует Вещий Олег». «При звоне весёлом стакана» «они поминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они». Затем весёлый пир замещается поминальным пиром-тризной по умершему князю Олегу. Так, центральный эпизод баллады – предсказание смерти кудесником князю – находится в кольцевом обрамлении праздничного пира и поминальной тризны.

Н.М. Языков в балладе «Олег» /1826/ продолжает пушкинские традиции «Песни о Вещем Олеге». Сюжетно она продолжает пушкинскую балладу, которая заканчивается поминальной тризной по покойному Олегу, умершему, согласно предсказанию кудесника, от укуса змеи, которая вылезла из черепа его коня (об этом сообщается в летописных источниках). «На тризне плачевной Олега» «ковши круговые, запенясь, шипят» в руках бойцов, вспоминающих «минувшие дни и битвы, где вместе рубились они».

Если Пушкин пунктирно касается картины «тризны плачевной», то Н.М. Языков разрабатывает её более детально, стремясь вслед за предшественником к историческому правдоподобию. Например, сообщает читателям об Олеговом щите, прибитом, согласно летописным источникам, к вратам покорённого им Царьграда, а не о «гербе России», как у Рыльева. Однако языковский взгляд на эпоху не тождественен пушкинскому. Н.М. Языков вводит большое количество героев: наследник Олега князь Игорь, певец Боян, дружина, народ. Даже «бездыханный, в доспехах золотых» Олег является частью этого мира: ради него «на могиле» воители свершают «потешную драку», о его прижизненных подвигах поёт Боян. Если в мире пушкинской баллады есть неразрешимые противоречия между князем и кудесником, то в балладе Н.М. Языкова царит гармония между правителем, дружиной и народом. В произведении приглушён мотив рока (князь умирает раньше коня, которого закалывают во время погребального обряда). Вместо этого усилен мотив памяти, на что направлен рефрен: «Да Вещего помнит Россия!»:

Все, малый и старый, отрадой своей,

Отцом опочившего звали;

Горючие слёзы текли из очей,

Носилися вопли печали;

И долго, и долго вопил и стонал

Народ, покрывавший долину... (Языков 1964. 229)

В балладе Пушкина об Игоре только упоминается, в балладе Н.М. Языкова древний русский князь представлен главным героем. Игорь, как и его предшественник Олег, являет с народом и дружиной неделимую общность. Идиллическую картину, где отношения между людьми полны гармонии, символизирует «наполняемый мёдом» «золотой и заветный стакан»:

*...наполняемый мёдом,
Из рук молодого владыки славян,
С конца до конца, меж народом
Ходил золотой и заветный стакан.* (Там же. 230)

В романтическом духе изображённые на этом фоне князья Олег и Игорь показаны в качестве образцовых правителей.

Произведения, обращённые к далёким эпохам, нередко строились на любовном сюжете, частной жизни, которые часто заканчивались свадьбой и соответствующими обрядами. Примером может служить поэма Востокова «Певислад и Зора», в которой мечта героев о брачном союзе счастливо сбывается: между ними «заключён сговор был свадебный». Перечисляется многочисленное приданное, которое дал за дочь «добро молодцу» Станимир:

*Поле ржи, ячменю столько же,
Тучных семь юниц с телятами,
Кобылицу с жеребьятами,
Десять гривен красна золота,
Серебра же в трое ль, в четверо ль.* (Востоков 1935. 278)

Заботится о дочери и его супруга Цветима Гостомысловна:

О нужнейшем не забыла мать,

О домашней разной утвари:

Всё сие сговорено за девицею в приданное. (Там же.)

Перечисление приданого формирует праздничную атмосферу, демонстрирует благоденствие, которое раскрывается через конкретную предметность. Семиотически отмеченные бытовые детали оказываются носителями смыслов, размыкающих границы земного и небесного. Счастье и преуспевание им посылают высшие силы, но это не просто подарок небес. Герои получают заслуженную награду. Здесь представлена идеальная модель жизни, которая даёт человеку осознание того, что он находится в «отеческой державе».

Следовательно, русская поэзия первой половины XIX в., решая ключевые проблемы познания коренных свойств русского характера, обострила внимание на жизнь праотцев русского народа – древних славян. Жизнь далёких предков таила для поэтов онтологическую полноту, направляющую на осмысление черт современного национального самосознания, помогающую через прошлое уяснить настоящее и приоткрыть завесу будущего.

Заключение

Утверждённый в русской поэзии XIX в. принцип национальной рефлексии нашёл своё выражение в изображении русского мира через архаические воззрения древних славян. За истекшие столетия славянское сообщество превратилось в Русь – Россию – Российскую империю. Русский народ ушёл от языческого мировоззрения, приняв христианство через православные каноны. Однако в мироощущении далёких предков поэты пытались увидеть и передать в своём творчестве некий заложенный код, способствующий самоидентификации нации, представить древнюю культуру как фактор,

способствующий раскрыть самобытность русского духа, национальной государственности через опорные лейтмотивы, сюжеты, героев.

Литература

- 1- Востоков А.Х. (1890). *Несколько новых данных из научной и литературной деятельности А.Х. Востокова* / Сост. Е.В. Петухов. – Санкт-Петербург. Типография В.С. Балашева.
- 2- Востоков А.Х. (1935). *Стихотворения*. Москва. Изд-во «Советский писатель».
- 3- Екатерина II. (1787). *Записки касательно российской истории*. Санкт-Петербург. Императорская типография, ч. I.
- 4- Кайсаров А.С., Глинка Г.А., Рыбаков Б.А. (1993). *Мифы древних славян. Велесова книга*. Саратов. Изд-во «Надежда».
- 5- Лермонтов М.Ю. (2000). *Полное собрание сочинений*: В 10 т. Москва. Изд-во «Воскресенье», т. 3.
- 6- Люпенко Е.П. *Буриевой и Ульмила: Этический опыт (1818) // Труды Любителей российской словесности*. Санкт-Петербург. Типография К. Края. 1818. № 7-9. С. 59-87.
- 7- Люпенко Е.П. (1818). *Чеслав: Этический опыт (1818) // Труды Вольного общества соревнователей просвещения и благотворения*. Санкт-Петербург. Типография К.Края. Ч. 1. С. 226-246.
- 8- Майков Л.Н. (1887). *Батюшков, его жизнь и сочинения*. Санкт-Петербург. Типография В.С. Балашева.
- 9- Маковский М.М. (1996). *Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов*. Москва. Изд-во «ВЛАДОС».
- 10- Мерзляков А.Ф. (1822). *Краткое начертание теории изящной словесности*. Москва. Университетская типография, ч. I.
- 11- Морозова Т.Л. (2005). «*Что скажет потомство!*» (Национальное сознание на поворотах истории: документы и публицистика 1730–1750-х гг.) // *Русская литература как форма национального самосознания. XVIII век*. Москва. Изд-во «ИМЛИ РАН». С. 158-188.
- 12- Остолопов Н.Ф. (1821). *Словарь древней и новой поэзии*: В 3 ч. Санкт-Петербург. Типография Императорской Российской Академии наук, ч. 3.
- 13- *Полное собрание русских летописей* (1965): В 15 т. *Патриаршая, или Никоновская летопись*. Москва, ч. 9-10.
- 14- Пушкин А.С. (1995). *Полное собрание сочинений*: В 17 т. Москва. Изд-во «Воскресенье», т. 13.

- 15- Рылеев К.Ф. (1983). *Сочинения*. Москва. Изд-во «Правда».
- 16- Фроянов И.Я. (1992). *Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX—начала XIII столетия*. Санкт-Петербург. Изд-во Санкт-Петербургского университета.
- 17- Шишков А.С. (1811). *Разговоры о словесности*. Санкт-Петербург. Типография Глазунова
- 18- Языков Н.М. (1964). *Полное собрание стихотворений*. Москва-Ленинград. Изд-во «Советский писатель».

Bibliography

- 1- Vostokov A.H. (1890). *Neskol'ko novyh dannyh iz nauchnoj i literaturnoj dejatel'nosti A.H. Vostokova* / Sost. E.V. Petuhov. – Sankt-Peterburg. Tipografija V.S. Balasheva.
- 2- Vostokov A.H. (1935). *Stihotvoreniya*. Moskva. Izd-vo «Sovetskij pisatel'».
- 3- Ekaterina II. (1787). *Zapiski kasatel'no rossijskoj istorii*. Sankt-Peterburg. Imperatorskaja tipografija, ch. I.
- 4- Kajsarov A.S., Glinka G.A., Rybakov B.A. (1993). *Mify drevnih slavjan. Velesova kniga*. Saratov. Izd-vo «Nadezhda».
- 5- Lermontov M.Ju. (2000). *Polnoe sobranie sochinenij*: V 10 t. Moskva. Izd-vo «Voskresen'e», t. 3.
- 6- Ljucenko E.P. *Burivoj i Ul'mila: Jepicheskij opyt (1818) // Trudy Ljubitelej rossijskoj slovesnosti*. Sankt-Peterburg. Tipografija K. Kraja. 1818. № 7-9. S. 59-87.
- 7- Ljucenko E.P. (1818). *Cheslav: Jepicheskij opyt (1818) // Trudy Vol'nogo obshhestva sorevnovatelej prosveshhenija i blagotvorenija*. Sankt-Peterburg. Tipografija K.Kraja. Ch. I. S. 226-246.
- 8- Majkov L.N. (1887). *Batjushkov, ego zhizn' i sochinenija*. Sankt-Peterburg. Tipografija V.S. Balasheva.
- 9- Makovskij M.M. (1996). *Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskoy simboliki v indoevropejskih jazykah. Obraz mira i miry obrazov*. Moskva. Izd-vo «VLADOS».
- 10- Merzljakov A.F. (1822). *Kratkoe nachertanie teorii izjashhnoj slovesnosti*. Moskva. Universitetskaja tipografija, ch. I.
- 11- Morozova T.L. (2005). «*Chto skazhet potomstvo!*» (*Nacional'noe soznanie na povorotah istorii: dokumenty i publicistika 1730–1750-h gg.*) // *Russkaja literatura kak forma nacional'nogo samosoznaniya. HVIII vek*. Moskva. Izd-vo «IMLI RAN». S. 158-188.
- 12- Ostolopov N.F. (1821). *Slovar' drevnej i novej pojezii*: V 3 ch. Sankt-Peterburg. Tipografija Imperatorskoj Rossijskoj Akademii nauk, ch. 3.

- 13- *Polnoe sobranie russkih letopisej* (1965): V 15 t. *Patriarshaja, ili Nikonovskaja letopis'*. Moskva, ch. 9-10.
- 14- Pushkin A.S. (1995). *Polnoe sobranie sochinenij*: V 17 t. Moskva. Izd-vo «Voskresen'e», t. 13.
- 15- Ryleev K.F. (1983). *Sochinenija*. Moskva. Izd-vo «Pravda».
- 16- Frojanov I.Ja. (1992). *Mjatezhnyj Novgorod. Očerki istorii gosudarstvennosti, social'noj i političeskoj bor'by konca III—nachala HIII stoletija*. Sankt-Peterburg. Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
- 17- Shishkov A.S. (1811). *Razgovory o slovesnosti*. Sankt-Peterburg. Tipografija Glazunova
- 18- Jazykov N.M. (1964). *Polnoe sobranie stihotvorenij*. Moskva-Leningrad. Izd-vo «Sovetskij pisatel'».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Nesterova Tatyana Petrovna (2018). The Ancient Slavs in the Russian Poetry of the 19th Century. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury*. 12(2): pp:29-49

DOI: 10.29252/iarll.12.29

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-141-en.html>

اسلاوهای باستان در آثار منظوم روسی سده نوزدهم

تاتیانا پترونا نسترووا^۱

استاد، دانشگاه میچورینسک،

میچورینسک، روسیه.

(تاریخ دریافت: سپتامبر ۲۰۱۷؛ تاریخ پذیرش: مارس ۲۰۱۸)

مقاله به بررسی شیوه‌های توصیف اسلاوهای باستان در آثار منظوم روسی سده نوزدهم که مانند ادبیات در مفهوم کلی آن، عاملی در خودآگاهی ملی آن عصر به‌شمار می‌رود، می‌پردازد. شاعران بر اساس درک خود از جهان و فرهنگ کهن مردم روسیه، مفهومی هنری و ادبی خلق می‌کردند که با آن، ویژگی‌های زمان مشخصی، پس از سده‌ها، قابل مشاهده است؛ از این طریق آنها به روشن شدن عمق متافیزیکی جهان روسیه به‌عنوان یک کل کمک کرده‌اند. شاعران آثار خود را در زمینه ایده‌های فلسفی درباره روسیه و مسیر آن در تاریخ جهان که در آن زمان وجود داشت، خلق می‌کردند. عناصر ارزشی زندگی اسلاوهای باستان به‌عنوان ویژگی‌های بارزی که آنها را از دوره قرن نوزدهم متمایز می‌ساخت و از دریچه آرمان‌های زندگی شاعران مورد بررسی قرار می‌گرفت به‌عنوان عوامل پیشرفت و ترقی افکار شاعرانه، زندگی مردم، سرنوشت سرزمین مادری‌ای که در آن زندگی می‌کرده‌اند، تجلی می‌یابد.

واژگان کلیدی: اسلاوهای باستان، شعر روسی، تاریخ، اسطوره‌شناسی، فرهنگ.